

T + 0: 1944

Свет сер и мрачен. Тление. Язык пламени, поперхнувшийся собственной копотью, *являющий* лишь малую часть своей мощи в видимый спектр. Все остальное — жар и движение. Но линия горения пока еще только крадется под оболочкой боеголовки. Нитевидная линия перемен, расходящаяся от взрывателя сквозь плотную массу аммотола. Впереди желтовато-коричневое твердое вещество, гладкое и хрупкое, как карамель, позади — бурлящее кипение отдельных атомов, насильно освобожденных от всех связей, что соединяли их в тротил и аммиачную селитру, и готовых вот-вот распасться на простейшие молекулярные соединения. Вскоре они станут газами. Горячими газами, горячее расплавленного металла, намного горячее. И внезапно их станет так много, и они окажутся так неистово спрессованы в слишком маленьком пространстве, что неизбежно разорвут оболочку. Если к тому моменту оболочка еще будет на месте. Если она сама не превратится в стальной туман, как только ее коснется линия горения.

Мгновения. Это мгновение, перед тем как исчезнет стальная оболочка, длится всего одну десятитысячную секунды. Трещинка толщиной с волос в середине ноябрьской субботы 1944-го. Но присмотритесь. У этой

трещины есть ширина. И длительность. Разве она сама не может разделиться надвое? И еще, и еще, и еще, и так до бесконечности? Разве эта трещинка не содержит в себе бездну? Ткань простого времени ничего под собой не прячет: пустота под пустотой, течение под течением. Каждый момент, который вы стремитесь определить, при ближайшем рассмотрении оказывается плотно утрамбованной пачкой более крошечных мгновений, и делению этому нет конца, а каждое последующее мгновение неизменно оказывается еще мимолетнее, хотя, казалось бы, дальше уже некуда. Материю можно разделить на мельчайшие составляющие, и все же этот процесс конечен. Время так не работает. Одна десяти тысячная секунды представляет собой внушительный том с бесчисленным количеством тонких, почти прозрачных страниц. Таким же бесчисленным, как и количество страниц во всех книгах, написанных в нашей вселенной за всю прошедшую историю. И в этой книге времени страниц не меньше, чем во всех прочих, собранных вместе. Каждая из частей так же безгранична, как и целое, потому что бесконечности не делятся по размерам. Они все одинаково бесконечны. И все же из этого отсутствия пределов и рождается наша обыденная конечность, наши начала и завершения. Словно кто-то раскинул понтон над бездной, и мы идем по нему, сами того не замечая; словно из проживания этой секунды, потом этой, этой минуты, затем другой, здесь и сейчас — следующих друг за другом без остановки, неумолимо, и всегда недостаточных, пока и вовсе не иссякнувших — возникает некоторая (временная) коагуляция всего и ничего одновременно, незаметно растягивающаяся на все годы, все ноябри, все обеденные часы. Но идем ли мы? Движемся ли мы сквозь время или это оно двигает нас? Нет времени рассуждать. Тут бомба взрывается.

Именно в эту субботу в бексфордский «Вулвортс» на Ламберт-стрит завезли сковородки, которые теперь выставлены на верхнем этаже, начищенные до блеска. Никто не видел новых сковородок уже несколько лет, и теперь вокруг стола собралась взволнованная толпа женщин с кошельками наготове и детьми, слишком маленькими, чтобы оставлять их дома одних. Вот рядом с матерью стоят Джо и Валери в шотландских беретах, связанных из остатков пряжи. Вот Алек, с его толстыми коленками, торчащими из-под шорт. Мать Бена крепко держит сына за руку, и тот, как всегда, выглядит слегка потерянно. Толстощекого Вернона привела бабушка — по сравнению с другими в их доме, казалось, никогда не испытывали большой нужды в предметах первой необходимости. Руки женщин тянутся к красивому алюминию, но человеческая рука не преодолевает большого расстояния за одну десятитысячную секунды, поэтому кажется, что они замерли. Дети застыли, как статуи во плоти. Палец Вернона замер у него в носу. Но все-таки некоторое движение можно уловить даже при таком замедлении. Позади стола, рядом с тележкой, полной пожелтевших схем для вязания, что-то продолговатое, гладкое и заостренное проходит сквозь потолок в медленно опадающем облаке штукатурки, кирпича и осколков черепицы. Среди этого мерцающего хаоса коническое острие боеголовки с геометрическим достоинством скользит по направлению к полу, а следом дюйм за дюймом в поле зрения просачивается темно-зеленое тело ракеты. Аммотол внутри боеголовки уже горит. Покупатели, сковородки, баллистическая ракета: что же здесь не так? Никто нам не скажет. Джо и Алек в этот момент смотрят в нужном направлении. Их взгляды прикованы к пространству между плечами миссис Джонс и миссис Кэнаган, где появляется ракета. Но они ее не видят. Никто не видит. Об-

раз «Фау-2» отпечатался у них на радужке, но одной десятитысячной секунды недостаточно, чтобы человеческий глаз успел обработать информацию и передать сигнал в мозг. Прежде чем это случится, у детей уже не будет глаз. И мозга. Это мгновение, этот отрезок времени, крохотный и неизмеримо огромный, наступает незаметно, незаметно проходит и незаметно заканчивается. И все же это реальный момент. Он действительно наступает. Он на самом деле занимает отведенное ему место в цепочке мгновений, в результате которых девятьсот десять килограмм аммотола оказываются среди сковородок.

Затем линия горения добирается до металла. То, что происходит потом, называется бризантностью. Подвижная ниточка горения, когда все уже воспламенилось, превращается во взрывную волну, вырывающуюся в разные стороны под натиском голубоватого газа. Все, чего она касается, — разрушается. Судорога деформации и дислокации проходит через каждый твердый объект, дробя его на частицы, которые затем устремляются вперед на передовой взрывной волны. Вязальные схемы. Стойка. Свисающая на цепях стеклянная вывеска «ГАЛАНТЕРЕЯ». Деревянный стол. Сковородки. Толстое, изношенное, наследное зимнее пальтишко с роговыми пуговицами, в котором выросли три поколения. Кожа. Кости. Размер фрагментов определяется удаленностью от эпицентра взрыва. Ближе всего просто частицы, потом крупницы, обрывки, кусочки, ошметки, а дальше, в самом отдалении, там, где энергия волны расходится шире всего, — искореженные обломки стеной штукатурки, дверей и каменных плит или трамвайный знак, выданный с корнем и отправленный в полет через улицу. Из-за формы боеголовки взрыв поначалу распространяется по направлению вниз, сквозь

два этажа и подвальное помещение «Вулвортс», прямо в лондонскую глину, где, оставив неровный полукруглый кратер, устремляется вверх и наружу, таща за собой большую часть раздробленной материи здания. Купол разрушений разрастается. Магазины вдоль восходящих кривых купола слева и справа от «Вулвортс» вывернуты наизнанку. По Ламберт-стрит гуляет пурга металлических зубчиков и кирпичных хлопьев. Здания напротив вздымаются и проседают; оконные стекла засасываются внутрь и застревают в стенах поблескивающими копьями и щепками. В земле от дрожи лопаются газопроводы и разрываются водопроводные трубы. В воздухе, даже там, где нет абразивной пыли и кирпичного дождя, внезапно разражается невидимый заряд высокого давления и расходится широким кольцом. Трамвай, вдалеке сворачивающий из Левишема, встает на рельсах на дыбы и замирает, но сквозь него, от одного конца до другого, проходит рябь, тут же преображающая воздух. На периферии взрывной волны происходят маленькие, едва заметные изменения. Кухонные стулья преодолевают по полу расстояние в тридцать сантиметров. Открываются дверцы шкафчиков, и оттуда, как конфетти, выстреливают довоенные припасы. Тридцатиграммовая гирька из мясной лавки рядом с «Вулвортс» каким-то образом пересекает Ламберт-стрит и следующую улицу, чтобы аккуратно влететь в открытое окно на верхнем этаже дома и приземлиться на нетронутые клавиши «Ундервуда».

Теперь уже не нужно замедлять время. Нет ничего такого, чего нельзя увидеть с обычной скоростью человеческого восприятия. Пусть оно бежит секунда в секунду. Руины Ламберт-стрит подпрыгивают и, осев, замирают. Наконец доносится гулкой свист падающей ракеты, заглушаемый взрывом. Затем звенящая

тишина. В «Вулвортс» не осталось никого, кто мог бы ее нарушить. Все покупатели и продавцы мертвы, на всех трех этажах; в мясной лавке по соседству тоже, и в отделении почты, за исключением одного сотрудника со сломанными ногами, которого угораздило в момент взрыва заглянуть в спасительный сейф; и в очереди на трамвай, собравшейся на тротуаре; все прохожие; все, стоявшие у окон противоположных домов; все пассажиры левишемского трамвая — еще сидящие на местах в шляпах и пальто, задохнувшиеся от удара воздуха. Только затем с дальних границ купола разрушения раздаются первые крики. И звуки сирен. И пожарной бригады. Члены группы противовоздушной обороны, мужчины и женщины с лопатами, карабкаются по обломкам каменной кладки; подростки и старики из волонтерской спасательной группы прибывают с носилками, которые практически не используют, и мешками, которые быстро заканчиваются. Начинаются попытки найти в развалинах «Вулвортс» крупичицы, обрывки, кусочки и ошметки того, что когда-то было телами людей; людей, которых потеряли и отчаянно ищут те, кто собрался в бледнолицую толпу за ограждением в конце улицы.

* * *

Ни Джо, ни Валери, ни Алека, ни Бена, ни Верна больше нет. Исчезли так быстро, что даже не успели осознать, что случилось, и этим впоследствии утешатся (или нет) те, кто будет их оплакивать. Исчезли в промежутке между одной десятитысячной секунды и другой, исчезли так, словно растворились в этом обширном неизмеримом небытии, под ветхими подмостками часов и минут. Их роль во времени сыграна. Они больше не имеют отношения ни к чему из того, что вздымается,

дышит, сжимается, поворачивается, усыхает, светлеет, темнеет; ни к одному изменению вещей. Ничто из того, что предполагает присутствие в потоке времени между мгновениями, теперь для них недоступно. Они ничего не могут сделать; с ними ничего нельзя сделать. Они никого не могут позвать, и их никто позвать не может. Они не существуют. А в это время все, из чего они состояли, осталось там, в кратере, без единой возможности хоть когда-нибудь восстановиться. Вот что для нас время. Оно ломает и рассеивает обломки. Его нельзя пустить вспять, нельзя призвать прах восстать, так же как нельзя отделить молоко обратно от чая. Разлученное остается разлученным. Рассеянное остается рассеянным. Это необратимо.

Но закончилось не только существование этих детей. Вернон не ковыляет домой, где на кухне висит сырокопченый свиной бок; Бен не пересекает парк у отца на плечах, удивляясь дождевым ноябрьским облакам; Алек не собирается в давно обещанную поездку в Кристал Пэлас; Джо и Вэл не корчат друг другу рожи над тарелками с куриным супом, заправленным луком. Все варианты их будущего тоже закончились, так и не начавшись. Десятилетия того, что было бы и что могло бы. Как можно измерить эту потерю, если не сопоставить эту пустоту с какой-нибудь другой версией колеса времени, где все, что было бы и могло бы быть еще, возможно? Версией, в которой в Голландии, откуда пустили ракету, случилось крошечное изменение траектории, и ракета упала чуть-чуть дальше, в бексфордский парк, убив разве что несколько голубей; или в которой из-за какого-нибудь сбоя в пусковом механизме, какие иногда случаются с такими чудовищными машинами, ракета канула в волны Северного моря; или вообще не взлетела — из-за перебоев с поставками топлива, отчего солдаты четырехста

Фрэнсис Спаффорд

восемьдесят пятой батарее провели весь тот день под соснами, курая и нервно высматривая в небе британские бомбардировщики, пока в Вассенаре ждали танкер с этанолом.

Явись, другое будущее. Явись, милосердие, вовремя не проявленное. Явись, знание, вовремя не полученное. Явитесь, другие возможности. Явитесь, непотревоженные глубины. Явись, неделимый свет.

Явись, прах.

T + 5: 1949